

“Тринадцать” (2011)

Алиса Ганиева

Voor de vertaalwedstrijd moest vanaf het begin vertaald worden t/m p.3 bovenaan.

Тринадцать

Дотарахтев до укрепленного тяжелыми мешками дорожного поста, где толпились шашлычники и лоточники с надувными морскими матрацами, «газель» свернула с трассы и резво двинулась в горы. Минут через тридцать никчемные пейзажи сменились белыми сланцевыми громадами, а за окнами разлилось бездонное небо. Где-то внизу, в метрах ста пятидесяти под петляющей дорогой, серебрилась мелкая речка и копали гравий крошечные экскаваторы.

Подле серьезного, загорелого до черноты водителя сидел немного упитанный, средних лет человек в белой рубашке и с черным кожаным портфелем в руках, сосредоточенно смотревший в отсвечивающий сентябрьским солнцем экран коммуникатора. В салоне ехали интеллигентного вида пожилой мужчина с беззащитной улыбкой, краснощекая полная женщина с дочерью, скромно скрестившей на коленях натруженные руки, молодой человек в странных шароварах, сопровождавший молчаливую старуху, видимо, приходящуюся ему бабушкой, угрюмый и небритый бородач, две женщины – одна в очках и сереньком пиджаке, вторая в роскошном платье для церемоний, – а также бровастый пассажир в тубетейке, молодая девушка с искусственными ресницами и крепкий рыжеволосый юноша в красной, нахально вздернутой кепке.

Они миновали вьющийся над живописной пропастью серпантин, раздольную, засеянную сизой капустой долину, крупное селение с опрятными, частично недостроенными домами, пестрыми продуктовыми лавочками, связками горской колбасы в витринах и стоящими вдоль трассы полицейскими в толстых бронежилетах. Потом снова пошли подъемы и спуски, дрожащие изгибы каменистых склонов и заправочные станции с молельными домиками и большими надписями «Алхамдуллилах».

Женщина в платье для церемоний рассказывала соседке, как начальник ее супруга перед повышением публично отрекся от собственного сына, известного в лесу под кличкой Фантомас. Соседка поправляла очки и вздыхала, глядя на красные блики, игравшие в верхушках проносившихся мимо скал.

Минуя кладбище, водитель приглушил медоточивый шансон, и некоторые зашептали молитвы, омыли задранными ладонями лица. Через мгновение музыка заиграла снова, и они въехали в попутное село.

– Чё ты, дай-да, э-э-э, – тянул рыжий, склоняясь к отворачивавшейся от него девушке с наращенными ресницами, – ниче же не станет...

– Зачем? Нету у меня номера.

– Дай-да, чё ты меня кружишь? Я же с тобой нормально разговариваю!

– Отстань от меня! – грубо отрезала девушка, оправляя модный, с низким вырезом топ.

Рыжий налился краской:

– Ё, ты чё щас сказала? Ты чё обостряешь?

– Я не обостряю.

– Батрачишься ты! Вообще пробитая!

Краснощекая женщина обернулась к рыжему и выругалась на своем.

– Сиди в углу, не приставай к девочке! – добавила она, возмущенно оглядывая парочку.

– Я щас с ней местами поменяюсь.

– Вы сюда не влезете, тетя, – беззлобно засмеялся рыжий, допивая «Рычал-су» и швыряя пустую бутылку в окно «газели».

Они подъезжали к базару Хаджал-махи, откуда уже слышались музыка, хохот торговков и сигналы автомобильных гудков. Мужчина, отличавшийся беззащитной улыбкой, высунул голову из окна и с сердечным любопытством рассматривал хлопочущих вдоль трассы сельчан и украшенные лентами машины какого-то свадебного кортежа.

Село было сравнительно молодым и насчитывало не более пяти веков существования. Когда края эти были разорены Тамерланом, овдовевшие и лишившиеся крова горянки были вынуждены ютиться с детьми в окрестных пещерах, до тех пор пока цудахарец по имени Хужа не выстроил отселок, который и дал начало Хаджал-махи. Во время Кавказской войны здесь появилось русское укрепление, и хаджалмахинцам пришлось все время метаться меж восставшими горцами и императорскими наместниками. Их жгли, истребляли и обирали попеременно царские войска и непокорные мюриды. А после того, как плененный уже Шамиль остановился здесь на пути из Гуниба и совершил обеденный намаз в сохранившейся до сих пор мечети, война закончилась и хаджалмахинцы лишились многих личных и общественных земель, обросли податями и возроптали. Вспыхнуло восстание, длившееся четыре месяца, а после его подавления главные участники были повешены, а остальные сосланы на каторгу.

После 1917-го село разделилось на четыре группы. Одни поддерживали красных, другие – деникинцев, третьи – мусульманское движение Гоцинского, четвертые – подобранных сюда турок. Из-за этой неразберихи и пяти-шести провокаторов несколько красноармейцев из тех, кому разрешено было беспрепятственно пройти через село в сторону Гунибской крепости, были застрелены. Это побудило красных тут же устроить карательную акцию и перебить почти всех мужчин-хаджалмахинцев, так что многие после этих событий эмигрировали за границу и больше не возвращались.

Восторжествовавшие советы были щедры на посулы, поддерживали на первых порах шариатский суд и, страшась волнений, даже отстроили в Хаджал-махи новую мечеть. Но позже гайки были закручены, а муталимы и богословы репрессированы. На этом злоключения жителей бывшего вольного Дарго не закончились. В годы застоя хаджалмахинские старшеклассники, шутя, выкрасили голову гипсовому Ленину масляной краской. Приехали проверяющие с требованием выдать преступников. Хаджалмахинцы ушли в отказ. Но когда прозвучала угроза всех без исключения

сельчан выслать в Сибирь, сход посоветался на годекане и уступил. Напроказивших юношей увели под конвоем.

Hier eindigt het fragment van de vertaalwedstrijd van Levende Talen Russisch 2024.

Het verhaal gaat hieronder verder, maar die tekst maakte geen deel uit van de vertaalwedstrijd.

«Газель» остановилась посреди села, прямо у лотков с осенними фруктами, а пассажиры высыпали наружу. На обочине томилось несколько таких же маршруток, выкрашенных в палево-желтый цвет. Водители их, стоявшие полукругом, немедленно поприветствовали новоприбывшего загорелого коллегу. Краснощекая с дочерью уже ходили меж пестрых рядов, а серенькая в очках рассказывала молодому человеку в шароварах о строительстве здешней старой соборной мечети:

– Вы представляете, камни привозили из Акуша на ослах. Чтобы выложить один ряд камней по периметру, у них уходил целый год!

Шароваристый кивал, глядя то в бирюзовое небо, то на свою старуху, щупавшую округлые медные дыни. Остальные сгнули в толчее и шуме Хаджал-махи. Бровастый в тюбетейке схватил пустую пластиковую бутылку и побежал к роднику, мужчина с кожаной папкой скрылся за строящимся домом, припадая ухом к коммуникатору и что-то быстро восклицая, а небритый бородач просто растворился в теплом воздухе. На крыше строящегося дома человек в рабочей рубахе и с железным забралом на лице склонился над брызжущим искрами, шипящим сварочным аппаратом. Где-то в доме громыхали металлические листы, а за базаром, в спускающихся к реке дворах, куда только что проследовал свадебный поезд, громко звучала лезгинка. Только рыжеволосый не выходил из «газели», выглядывая из окна и склабясь на общую суету.

Спустя минут десять пассажиры начали возвращаться на свои сиденья и, забив под кресла пакеты со свежими фруктами, тронулись дальше. Водитель, освежившийся дешевой сигаретой, водой и шутками с коллегами, ковырялся в магнитофоне.

– До часу доедем? – спрашивал его мужчина с папкой.

– Конечно.

Он хмыкнул, вспомнив, как много пришлось отстегнуть постовому.

«Газель» двигалась в сторону поросшего хвоей Хуппинского перевала, за которым кончались даргинские села и начиналась высокогорная Авария. Пахло боярышником, зверобоем, чабрецом и полынью. Женщина в праздничном платье тихо пересчитывала деньги в своем кошельке, девушка, пересевшая на другое место, дремала, опустив приклеенные ресницы, старуха шептала что-то юноше в шароварах, а тот улыбался.

«Может, надо было самому отдать бумаги Халилбеку? – думал тот, что с папкой, прокручивая список контактов в своем коммуникаторе. – Нет, меня бы он с прошением не принял. Все правильно. Отдал через Хизриева, а Хизриев пускай сам разбирается, они родственники...»

Пожилой спрятал беззащитную улыбку, глядя задумчиво на наступающие с обочин сосны. Он представлял, как остановится в райцентре у своего кунака, разопьет с ним сухого вина, а на следующий день поедет в свое маленькое сельцо, к затаившемуся во влажной зелени дому на теневой стороне горы, откроет калитку из старой кроватиной спинки, спустится в сад и там, под грецким орехом, сыграет с соседом в нарды.

Бородач прижимался лбом к пропыленному стеклу, пытаясь вырваться из мыслей-ловушек. «Отвезти лекарства, а потом вернуться и никому не говорить. Все равно узнают... Участковый начнет докапываться. Они Алишку инвалидом сделали и меня сделают... Нет, нужно передать лекарства, а потом самому тоже из дома убежать... Нет, нельзя. Сейчас к дяде Осману схожу, может, он знает, куда меня устроить... Или не идти? Дядя Осман просто так ничего не делает. И если пойду, тогда Абдулла скажет, это куфр...»

«На сватовство Айшаткиного сына подарок я взяла, Пате подарок взяла... Вая-я-я-я, нужно еще Заире соболезнование выразить, я же ее с тех пор не видела...» – крутилось в голове у женщины в платье для церемоний, а соседка ее думала: « Попрошу Русика сына отвести меня на башню. Сколько лет приезжаю, а на башне не была. Надо будет сфотографировать, показать Мураду Мурадовичу. Вдруг она и вправду из церковных камней сложена...»

Сузившаяся дорога пронзительно пахла озоном, шишками и растревоженным бабьим летом. Наперерез «газели» метнулся маленький заяц, где-то невнятно залопотала невидимая птица. Дочка краснощекой застенчиво улыбалась в кулак.

Вот-вот с преодоленной ими вершины должна была открыться изрезанная трещинами и пещерами, покрытая вздутиями, холмами и речушками гергებელская котловина. «Газель» повернула по серпантину, и ехавшие внезапно увидели, как прямо навстречу из-за скалистого гребня на них летит большой грузовик. Раздался женский визг, водитель вцепился в руль, уворачиваясь от столкновения, истошно загудели гудки. Девушка с ресницами упала лицом в колени, пассажир в тубетейке громко воззвал к Аллаху, а «газель», оторвавшись шинами от земли, как будто уже летела в бездну.

– Вахи, вахи, – зашептала старуха, ощущая, как тело ее лишается тяжести.

– А-а-а-а-а-а-а-а-а! – заныли нестройные голоса.

– Ты молодец! Валлах, молодец! – вдруг начал вскрикивать человек с папкой, хлопая побелевшего, несмотря на загар, водителя по плечу.

Девушка подняла покрасневшее лицо, переполняясь ужасом. Дорога была пуста. Грузовик пронесся мимо и счастливо исчез из виду.

– Мы разминулись! А я думала, уже в пропасть летим, – шептала серенькая, поправляя очки крупно дрожащими руками.

– Саул! Саул! Красавчик, – повторял рыжий в красной кепке.

Они теперь ехали неторопливо, как будто нащупывая путь в образовавшейся тусклости. Небо из бирюзового медленно превращалось в стальное, а котловину заволакивало туманом. Водитель, еще не оправившийся от случившегося, осторожно следил за змеящейся разметкой, готовился к спуску.

– Куда он смотрел! Этот абдал* в грузовике! И хоть бы остановился! Вабабай-вададай!
– возмущалась краснощекая. – Проехал мимо, всех перепугал и за поворотом пропал...

– Я даже чувствовал, как мы в воздухе. Мы подпрыгнули, что ли? – недоумевал пожилой, вытирая платком холодную испарину.

Молодой человек в шароварах стыдил себя за испуг. «Учитель не одобрил бы это, – думал он про себя, – он меня наставлял покорять свой страх упражнением. Упражнением... Как же там начиналось? Какие там были слова?»

Женщина в платье рылась в сумке в поисках валидола:

– Вот хайваны! Ездят как сумасшедшие. Сейчас найду эту, как ее, эти капли, в воду себе накапаю. Чуть сердце мне не разорвали! Клянусь!

Ехали долго в молчании. Спуск никак не начинался и даже наоборот. Дорога нескончаемо шла кверху.

– Когда конец перевала? – спросил встревоженно тот, что с папкой.

– Вот, мы уже должны были пройти его. Что-то дорога по-другому идет. Выше идет. Я здесь каждый день езжу, такого еще не бывало. Мы должны были уже в сторону этого ехать... – водитель неожиданно понял, что не может вспомнить, куда он едет, – ну, этого... уже к водохранилищу...

Он замялся и смолк. Человек в тубетейке на всякий случай шептал про себя молитвы. Рыжий затих, снял красную кепку и печально глядел в окно.

– Погода портится, что ли?

– Там внизу дождь идет, а мы над тучей сейчас, – со знанием дела ответил ему пожилой. В голове у него шумело, мысли путались. Он почему-то никак не мог понять, зачем он сидит в этой маршрутке. В глазах подпрыгивали кубики от нардов, пульсировали точки.

– Мама, а мы участок посмотрели? – неожиданно спросила дочка краснощекой.

– Какой участок?

– Мы, кажется, участок ездили смотреть около Махачкалы.

Мать смолчала, потирая лоб костяшками пальцев. «Газели» больше никто не попадался, дорога была сера и пуста и вела их широкими петлями выше и выше. Бородач уронил голову на грудь и, видно, заснул.

– Сколько можно уже, – буркнул водитель, – когда этот подъем закончится? Что-то не то...

– Может, развилка была, не туда свернул? – поинтересовался пожилой.

– Да не было развилки, – чуть ли не заныл водитель. – Тот поворот же есть, где грузовик был, вот оттуда уже спуск начинался. Что за халам-балам! И радио не ловит...

*абдал = дурак (авар.)

Они продолжали подниматься. Съеденная туманом круча оказывалась то справа, то слева. В салоне маршрутки потемнело. Старуха глядела, как лица сидящих теряются в окутывающей дороге зыби. Носы сливаются с щеками, глаза западают, губы растягиваются.

Человек в белой рубашке что-то с сопением искал в своей кожаной папке. «Здесь же была, справка, что я ходил... Ходил я к кому-то там, в городе. Ее нельзя терять!» Он закрыл папку, беспокойно озираясь кругом. Туман, сосны, мутная дорога, плавающий горизонт и более ничего.

– Давайте остановимся, – предложила женщина в очках, – надо узнать, почему подъем не заканчивается...

Водитель не слушал и продолжал жать на педали. Ему стало абсолютно все равно, куда он едет и далеко ли. Вершина все никак не приближалась, перевал не прекращался, а черты его пассажиров расползались до неузнаваемости...

В это время на оставшемся позади повороте – там, где взвизгнул тормозами злополучный большегруз, – собиралось все больше народу. Проезжающие останавливались и предлагали помощь. Спасатели из добровольцев уже копошились внизу, на тяжелой скалистой выемке, за которую зацепилась падающая «газель». Ждали полицию.

– Сколько погибших? – спрашивал некто, озабоченно вглядываясь в пропасть.

– Все, – отозвались снизу. – Тринадцать человек, как обычно в маршрутках.

<https://snob.ru/selected/entry/44215/>

<https://www.youtube.com/watch?v=Qz1QsHW73I0>